

К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЭПОХИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Логически выверенная и обоснованная для лесостепного и подтаежного Тоболо-Иртышья периодизация Средневековья В. А. Могильникова, предложенная им более 30 лет назад, в связи с развитием новых подходов и накоплением за это время источниковой базы в археологии региона, нуждается в корректировке. Примененные им идеи В. Н. Чернецова, проявившиеся в использовании этнотерриториального и хронологического принципов поэтапной смены культур, сегодня выглядят упрощенно эволюционистскими, а сегодняшние попытки ввести новые культуры и типы памятников осложняют, а порой и запутывают читателя в экспликациях историко-культурных схем региона. Автор считает необходимым создать новую периодизацию, основанную на конструктивистском подходе, что позволит решить несколько исследовательских задач, выраженных в поисках объяснительных моделей процессов миграций, социоэкономических взаимоотношений, торговых контактов, диффузии как внутри Тоболо-Иртышской провинции, так и за ее границами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Зауралье, эпоха Средневековья, проблемы хронологии и периодизации, культурогенез.

Logically adjusted and justified for the forest-steppe and subtaiga Tobol-Irtysh periodization of the Middle Ages by V. A. Mogilnikov [Mogilnikov, 1990], proposed by him more than 20 years ago, in connection with the development of new approaches and the initial history accumulated in the archeology of the region, adjustment. Continuing the ideas of VN Chernetsov, his ethno-territorial and chronological principles of a phased change of cultures today, when they become entangled in the explications of the historical and cultural entities of the region. The new periodization of several research tasks solved, expressed in the search for explanatory models of migration processes, socio-economic relationships, trade contacts, diffusion, both within the Tobol-Irtysh province and beyond its borders.

KEY WORDS: Middle Trans-Urals, the Middle Ages, problems of chronology and periodization, cultural genesis process.

Объективная реконструкция хронологических фаз и периодов — фундаментальная цель, к решению которой стремится археология. Сегодня процедуры определения и сериации типов, периодов и их дат эффективно применяются в едином порыве уточнить детали праистории. В мировой науке археологическая периодизация представляет собой фундамент исследовательского начала и определяет стержень интерпретаций и идей.

В 1980–90-е гг. в западноевропейской археологии развернулась острая дискуссия между представителями поведенческой и постпроцессуальной археологии [Smith, 1992, p. 23–32]. В понимании Я. Ходдера, классические периодизации, основанные на наблюдениях за изменениями стиля и вещества артефакта, были оторваны от глобального контекста истории и отвечали задачам описания фазы той или иной археологической культуры, время которой было отражено в схематичном клише «зарождение–развитие–упадок» [Hodder, 1993, p. 268]. Представляется, конструирование периодов есть нарратив или рассказ, где исследователь занимает позицию стороннего наблюдателя, описывающего опыт событий в прошлом [Ibid, p. 280]. Поэтому изначально заложенные в фундамент периодизации научные проблемы и исследовательские принципы определяют характер и вид исследований, а события истории оживляют археологические записи.

Так, Л. С. Клейн, синтезируя идеи Г. Мюллера-Карпе, видит два вида периодизаций — изохронологическую (нелинейная) и изофеноменологическую (линейная). Первая в динамике исторических событий нацелена объединить разные территории в рамках одного хронологического периода, определив возможные контакты, миграции или торгово-брачные отношения; вторая — синхронизировать культурные явления и стадии развития культуры, а также эволюцию технологий [Клейн, 2015, с. 110]. Выбирая ту или иную модель, мы сталкиваемся с проблемой оценки протяженности историко-культурных процессов, динамики материальной культуры.

«Разные исторические события действуют в разных временных ритмах или уровнях», как удачно отмечено Ф. Броделем [Braudel, 1972, p. 21], пытавшимся найти структуру исторического времени. Его иерархическая модель «longue durée» была переработана для археологии К. Бутцером.

К. Бутцер выделил три «динамичных режима адаптационных систем» культуры человека: 1) «адаптационные установки» — краткосрочное приспособление без доминирующей адаптационной стратегии, провоцирующее социальные и экономические кризисы; 2) «адаптационные модификации» — период существенной переработки адаптационной стратегии без основы жизнеспособной и постоянной приспособительной системы; 3) «адаптационные трансформации» — период развития абсолютно другой приспособительной системы [Butzer, 1982, p. 290]. Г. Бэйли называет такую структуру времени «долгосрочный процесс в археологическом прошлом» [Bailey, 1983, p. 186]. Тем самым поведение культуры древнего социума, протяженность его изменчивости, находится в зависимости от фаз природно-климатических явлений — эта идея очень близка отечественной инвайроментальной археологии [см., напр.: Косарев, 1991]. Однако у данного представления о длительности

трансформации материальной культуры существует несколько проблем: 1) человеческая культура и природа два разных измерения, первое — это динамика, второе — статика [Shanks, Tilley, 1988, p. 120]; 2) поэтому археологическая периодизация должна строиться в контексте динамики взаимовлияния человеческих коллективов и событийности истории [Lucas, 2005, p. 32–61]. Именно попытка найти альтернативные объяснительные концепции и детализировать в коротких промежутках времени причины «зарождения–развития–упадка» материальной культуры должны стать современными задачами археологии [Holdaway, Wandsnider, 2008, p. 1–12].

Применительно к археологии Западной Сибири проблема периодизации длительное время не подлежала существенной дискуссии и критике. Главной ее целью было проведение ретроспективной линии развития средневековых археологических культур к известным этносам (рис. 1). При этом критерием выделения служили стилистический и историко-культурный подходы к классификации материала, в основном керамики. Такой изофеноменологический подход [Клейн, 2015, с. 117] широко представлен в работах по Средневековью Нижнего Приобья, в частности это схемы В. Н. Чернецова [1957, с. 150], в дальнейшем изученные А. П. Зыковым [2012, с. 44–98] и Н. Б. Федоровой [Федорова и др., 1991], основанные на наблюдениях за развитием орнаментации и форм посуды саровского, карымского, зеленогорского, кучиминского, кинтусовского этапов нижнеобской историко-культурной общности.

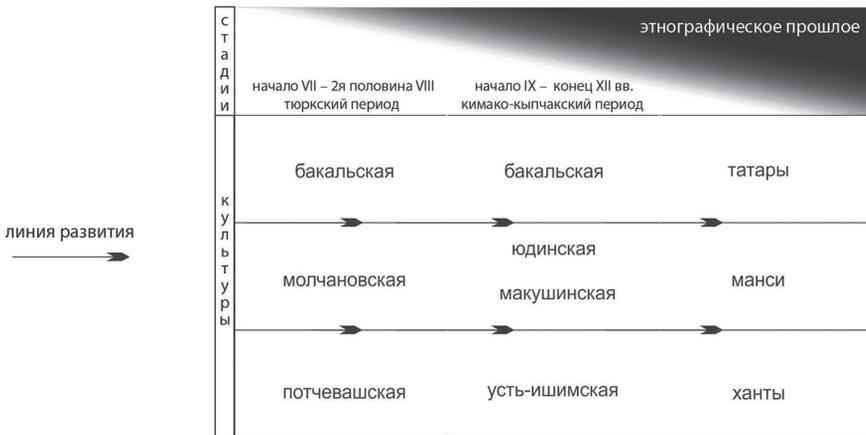

Рис. 1. Классическая (линейная) периодизация эпохи Средневековья

Периодизация В. Н. Чернецова основана на классических методах археологии — стратиграфическом и планиграфическом анализе залегания керамики на многослойном поселении Ус-Толт [1957]. Им выделено четыре этапа: ярсалинский (II–III вв. н. э.), карымский (IV–V вв. н. э.), оронтурский (VI–IX вв. н. э.) и кинтусовский (X–XIII вв. н. э.) [Там же, с. 155–219]. Несмотря на дробность данной периодизации, им отмечается постоянство форм исследованных групп керамики, в отличие от композиции и стиля орнаментации. В. Н. Чернецов обращает внимание на постепенное упрощение композиции

и техники нанесения орнамента. В частности, к концу средневековой эпохи кинтусовская керамика имеет скудный орнамент, который покрывает минимальную площадь поверхности сосуда в сравнении с керамикой предыдущих периодов [Чернецов, 1957, с. 219]. Рассматривая отдельно каждый хронологический уровень, он заметил особую иерархию орнаментов, в которой так называемый «трехчленный штамп» является связующим звеном между первыми этапами Средневековья Нижнего Приобья [Там же, с. 155]. Установив последовательность фаз материальной культуры локальной средней таежной полосы, В. Н. Чернецов попытался распространить ее на соседние регионы лесостепи и южной тайги. Однако узконаправленный стилистический и эволюционный подходы, вложенные в локальную периодизацию Нижнего Приобья, а также небольшое количество материала существенно затруднили возможность определить место лесостепных и южно-таежных памятников таких, как Козловский могильник, Потчевашское городище и Перейминский могильник, в общей концепции Средневековья Западной Сибири.

Многолетние исследования Сургутского Приобья, в частности археологических комплексов Барсова гора и Сайгатино, детализировали [Федорова и др., 1991; Зыков, 2012] многие стороны локальной периодизации и хронологии данной территории, значительно дополнили и уточнили схему В. Н. Чернецова. Уральскими исследователями предложено рассматривать постоянство культуры лесного населения в рамках общего культурного поля, так называемой культурно-исторической общности, где центральной единицей является культурно-хронологический тип: саровский, карымский, зеленогорский, кучиминский, релкинский, кинтусовский [Федорова и др., 1991, с. 126–127]. В данной периодизации сохранены стержневые стилистический и эволюционный принципы В. Н. Чернецова при анализе керамических комплексов. Впоследствии расширения источниковой базы были заполнены лакуны в комплексной характеристике предложенных этапов. Так, дополнены сведения о динамике структуры поселений, которые на заре Средневековья укрепляются бастионами и оборонительной линией, со временем увеличивается их площадь [Там же, с. 128–131]. Хронологические основания выделенных этапов подкрепляются анализом вещей из Холмогорского клада, отдельных погребений Барсовского III, V могильников. Сведения по погребальному обряду значительно уступают объему информации о поселках нижнеобского населения, что не позволяет в ретроспективе определить изменчивость способов погребения для отдельных этапов. Чтобы заполнить лакуну IV–VIII вв. в периодизации нижнеобской культуры, коллектив уральских исследователей использует материалы лесостепных и подтаежных памятников, в частности могильников Лихачевский, Козловский, Окунево-III, Усть-Тара-7 и др., ввиду сходства признаков керамических коллекций с нижнеобскими экземплярами [Зыков, 2012, с. 44–76]. По нашему мнению, в данном случае исследователями не учитывается историко-культурный и природно-климатический контекст, в котором находятся данные памятники. На территории лесостепи и южной тайги не обнаружены памятники с аналогичной нижнеобской стратиграфией и

поступательно сменяющимися друг друга слоями керамических типов. Отдельные карымские и зеленогорские черепки здесь встречаются не как правило, а в сложном насыщенном слое совместно с бакальскими, молчановскими и кушнарниковскими черепками [Матвеева и др., 2008, с. 63–65], что может быть объяснено самыми разными историческими и культурными процессами.

Несколько иной взгляд на этапы и факторы смены культур представлен в логически выверенной и обоснованной периодизации Средневековья Западной Сибири В. А. Могильникова [1990].

Фактором смены археологических этапов Средневековья (VI–XIV вв.) В. А. Могильников в контексте особенностей лесостепной и южнотаежной полосы Зауралья считал влияние на местную материальную культуру «ранних государств тюркоязычных народов — I, II Тюркских, Уйгурского и Кыргызского каганатов, активная внешняя политика которых <...> привела к переселениям, частичной смене ареалов угорских и самодийских этнических образований» [Могильников, 1991, с. I]. Он делит время активизации тюркских кочевников на два хронологических этапа: 1) период VI–VII вв. — завоевательные походы степного населения Саяно-Алтая, Центральной и Средней Азии и переселение носителей лесных культур в лесостепь. В это же время увеличивается количество смешанных памятников тюркского и угорского населения; 2) конец первой трети II тыс. (XIV–XVI вв.) — походы монгольских кочевников [Смены культур... , 1987, с. 109–113].

При анализе хронологии В. А. Могильников обращает внимание на гетерогенные памятники Барнаульско-Бийского Приобья, Барабинской и Тоболо-Иртышской лесостепи, в частности могильники Ближние Елбаны III и XIV, Курай IV, Чулым-2, Преображенка-3, Перейминский, Окуневский [Могильников, Конилов, 1983], Лихачевский и др. Данные памятники маркируют тюркское влияние в лесостепи Западной и Южной Сибири на фоне однородной местной культуры такими признаками, как деформированные черепа, захоронение коня, меридиональная ориентировка погребенных, коллективные захоронения и др. [Могильников, 1990, с. 33].

Таким образом, сконструированные ко второй трети XX в. и ставшие классическими периодизации Тоболо-Иртышья носят локальный характер и представлены в виде линейной последовательности сменяющих друг друга археологических культур (см. рис. 1). Попытки объединить лесную, лесостепную и южнотаежную территории в рамках данной идеи считаем неудачными, так как описания археологических культур в большинстве исследований вырваны из единого хронологического и историко-культурного контекста. С другой стороны, труды В. Н. Чернецова и В. А. Могильникова повысили уровень знаний о регионах Нижнего Приобья и Притоболья, Прииртышья и Приишимья, а реконструированные локальные хронологические колонки являются опорой современных исследований.

За последние два десятилетия в лесостепи и подтаежной части Тоболо-Иртышья зафиксированы многочисленные факты одновременного залегания разных наборов бакальской, карымской (южно-таежные памятники),

кушнаренковско-караякуповской, молчановской, макушенской, усть-ишимской, потчевашской и юдинской керамики в рамках как отдельных погребений, так и поселенческих комплексов. В том числе с появлением радиоуглеродных колонок с лесостепных многослойных поселенческих памятников (Красногорское, Коловское, Усть-Терсюкское, Большое Бакальское и др.), а также после комплексного изучения некрополей Козловского и Устюг-1 проблема объективности и детализации существующих периодизаций приобрела остро дискуссионный характер.

Сложную ситуацию с включением гетерогенных памятников в общую периодизацию С. Г. Боталов попытался решить введением в средневековую археологию Зауралья нового таксона «историко-культурный горизонт». Он пишет: «... определение введено нами в большей степени как хронологический маркер, однако, учитывая очевидный факт, что традиционное понятие “археологическая культура” сегодня является недостаточно широким и универсальным, чтобы отразить историко-культурное синкретическое многообразие облика населения лесостепных районов Зауралья эпохи раннего железного века и средневековья, нам представляется более корректным характеризовать это этнокультурное типологическое разнообразие именно в рамках горизонтов, фаз или отдельных стадий (этапов)» [Боталов, 2016, с. 468].

Отмечаем противоречия в предлагаемом определении, оставляющие ощущения, что автор до конца так и не определился со стержнем внедряемого таксона, который по описаниям явно коррелирует с предложенным В. Ф. Генингом понятием «археолого-этнический тип» [1972, с. 247–249]. Во-первых, предложенное определение созвучно с понятием культурно-хронологического горизонта [Яблонский, 2015, с. 17–24], которое характеризуется относительно коротким временным эпизодом (фазой) бытования и существенными культурными маркерами, в частности для раннего железного века так называемая «скифская триада». Однако, например, бакальский историко-культурный горизонт, обозначенный в пределах трех веков и содержащий единственный критерий выделения — сорт керамики, не является убедительной конструкцией. Наиболее корректно в данном случае выделение хронологического горизонта [Клейн, 1991, с. 386]. Во-вторых, сомнительно высказывание об ограниченности содержания археологической культуры, идеального определения которой не существует, как и границ ее понимания [Там же, с. 125–208]. Поэтому синкретичность погребального обряда и керамики средневековых материалов может также считаться ее показателем, определяющим специфику и самобытность. Похожая ситуация с материалом характерна для разных этапов средневекового Приуралья, например для харинской, турбаслинской и неволинской культур, в материалах которых сочетаются признаки культуры местного населения и мигрантов. Поэтому схему С. Г. Боталова стоит рассматривать в качестве хронологических горизонтов как вспомогательную шкалу сочетаемости керамических групп с сериями дат С14.

В своей обобщающей работе по эпохе Великого переселения народов в западной части Западной Сибири Н. П. Матвеева, предлагая периодизацию для III–VIII вв. н. э. с ранним, средним и поздним этапами по погребальным ком-

плексам Западной Сибири, обратила особое внимание на необходимость внедрения конструктивистского подхода при изучении процессов культурогенеза в археологии [Матвеева, 2016, с. 218–219]. Углубляясь в эту мысль, процесс трансформации культуры, его продолжительность видим в прямой зависимости от ритмов исторических событий, в меньшей степени от социальных и природно-климатических изменений, имевших долгосрочное влияние на культуру. В этом случае, если рассматривать археологическую периодизацию, исходя из циклов истории, она приобретет многослойный характер, нелинейность и динамику (рис. 2), в чем мы согласны с Г. Лукасом [Lucas, 2005, p. 18].

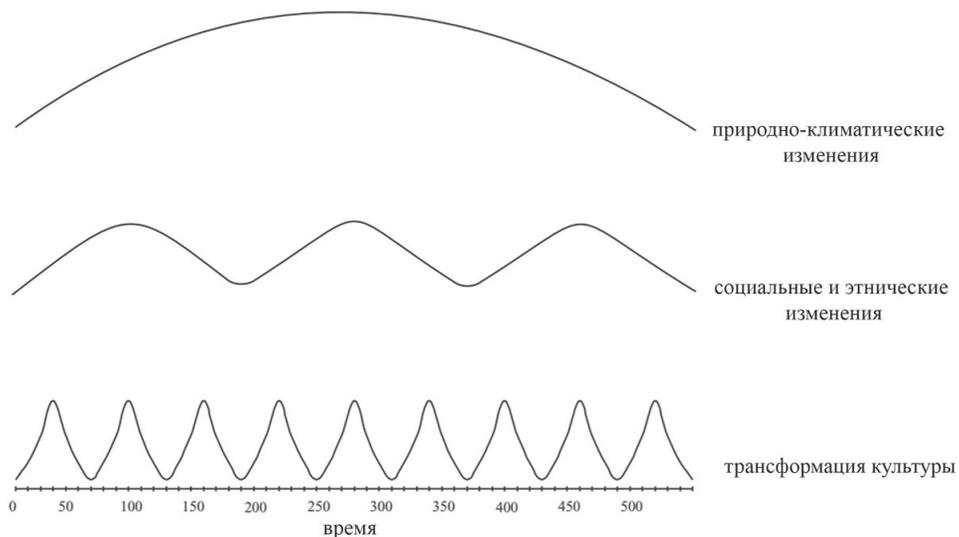

Рис. 2. Временные циклы природного, социального и культурного развития

Как кажется, сегодня исследователями недооценивается роль трассовых секвенций из постсарматского и гуннского, тюркского и кимако-кыпчакского миров. Вероятно, именно политическая и военная силы кочевых объединений были решающим фактором в формировании облика бакальской, карымской, молчановской, потчевашской, юдинской и усть-ишимской культур Западной Сибири, как было замечено еще В. А. Могильниковым. Гетерогенный характер по ряду территориальных, хронологических и культурных признаков позволяет рассматривать их в рамках культурных объединений или кругов (см. рис. 3) [Клейн, 1991, с. 394]. Кроме того, общие характеристики проявляются через локальные секвенции. В частности, саргатские и кашинские черты наследуются бакальской [Рафикова, 2010; Матвеева, Кобелева, 2013], саровские, саргатские и карымские — кушнаренковской [Матвеева, 2007] и потчевашской [Коников, 2007; Скандаков, Данченко, 1999] культурами.

Исходя из данных представлений о скоротечности и характере изменений материальной культуры эпохи Средневековья Тоболо-Иртышья, можно представить периодизацию следующим образом (см. рис. 3).

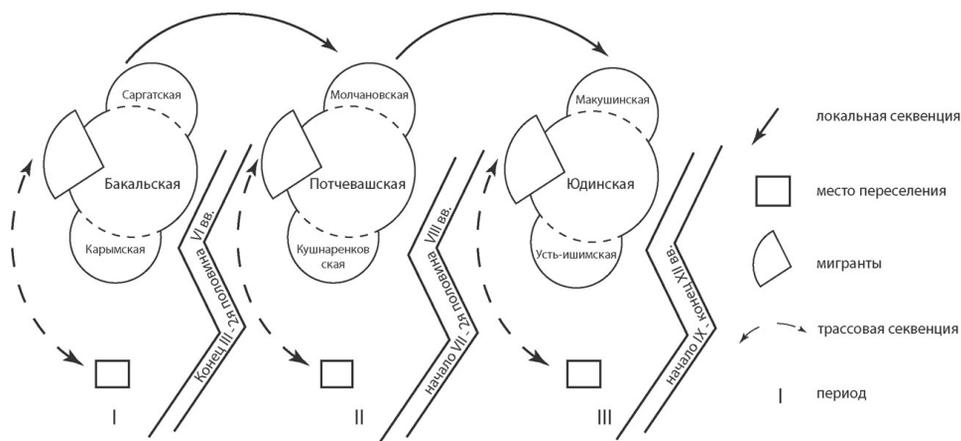

Рис. 3. Нелинейная периодизация эпохи Средневековья Зауралья

Период 1. III в. — 2-я половина VI в. Эпоха Великого переселения народов.

Период 1а. Гуннский. III в. — вторая треть V в. н. э. Угасание саргатской, оформление бакальской культуры, инфильтрация лесного (карымского) населения. Признаки трассовой секвенции: распространение кочевнической моды на ремennую гарнитуру, искусственная деформация головы, малочисленность инвентаря в захоронениях, сочетание курганного и грунтового обрядов захоронения. Признаки локальной секвенции: продолжение саргатской погребальной традиции (сосуды у головы погребенного, ровики, меридиональная ориентировка, одиночные захоронения в глубоких ямах).

Период 1б. Постгуннский: конец V — 2-я половина VI в. н. э. Формирование круга культур под доминантой бакальского типа с карымским участием. Признаки трассовой секвенции: сочетание нескольких керамических типов, увеличение доли грунтового обряда захоронения, искусственная деформация головы, единичные погребения с конем, малочисленность инвентаря в погребениях. Признаки локальной секвенции: сосуды в могилах, подкурганное захоронения.

Период 2. Тюркский: начало VII — 2-я половина VIII в. н. э. Развитие культур с лесными чертами в регионе (потчевашская, молчановская), угасание кушнарнковской традиции, тюркская экспансия. Признаки трассовой секвенции: распространение металлических изделий геральдического стиля, доминирование грунтового обряда, культ огня, коллективные захоронения, увеличение количества вещей в погребениях, в том числе конской узды, смена ориентировки на широтную, сосуды у погребения, захоронения в лодках.

Период 3. Кимако-кыпчакский: начало IX — конец XII в. н. э.

Развитие круга культур лесного облика юдинской, макушинской и усть-ишимской, доминирование кочевых традиций. Признаки трассовой секвенции: возрождение традиции курганного обряда, увеличение доли захоронений с конем и шкурой коня, редкое присутствие керамики в могилах и у могил, распространение металлических изделий волжско-булгарского производства.

Таким образом, предложенные во второй половине XX в. периодизации эпохи Средневековья Западной Сибири нуждаются в значительной корректировке. Попытки экстраполировать локальные схемы поэтапного развития культур на все регионы Западной Сибири привели к типологической путанице и классификационным просчетам, особенно проявившиеся в интерпретации материалов лесостепи и южной тайги Тоболо-Иртышья. Тогда как применение стилистического и этнотерриториального принципов при распределении нижнеобского материала по хронологическим этапам корректно и обосновано ввиду изолированности региона и статичности его природы и этнокультурной ситуации. Для лесостепи и южной тайги необходима выработка новых принципов и подходов, которые бы объяснили динамичность и синкретичность археологических комплексов. Наши предложения нацелены на решение узловых исследовательских задач в вопросах культурогенеза, выраженных в поисках объяснительных моделей процессов миграций, социально-экономических взаимоотношений, торговых контактов или диффузии. Поэтому предложенный нами нелинейный подход к периодизации (см. рис. 3) учитывает возможные сценарии интерпретации археологической культуры в динамике исторических событий, факторы смены культур и их последствия. Данный подход отражает историко-культурный процесс в виде схематической гибкой структуры, части которой могут быть значительно скорректированы, дополнены или упрощены, учитывая характер научного знания и нарастающий со временем объем источников по западносибирской археологии эпохи Средневековья.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Боталов, С. Г. Историко-культурные горизонты в эпоху раннего железного века и Средневековья лесостепного Зауралья / С. Г. Боталов // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (проблемы культурогенеза). — Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей», 2016. — С. 443–468. — (Сер. «Этногенез уральских народов»).
2. Генинг, В. Ф. Южное Приуралье в III–VII вв. (проблемы этноса и его происхождения) / В. Ф. Генинг // Проблемы археологии и древней истории угров. — М., 1972. — С. 221–295.
3. Зыков, А. П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время / А. П. Зыков. — Екатеринбург, 2012. — 232 с.
4. Клейн, Л. С. Археологическая типология / Л. С. Клейн. — Л., 1991. — 442 с.
5. Клейн, Л. С. Время в археологии / Л. С. Клейн. — СПб., 2015. — 364 с.
6. Конилов, Б. А. Омское Прииртышье в раннем и развитом Средневековье / Б. А. Конилов. — Омск: Наука, 2007. — 466 с.
7. Комар, А. Кочевники восточноевропейских степей 2-й половины VI — пер. половины VIII вв. / А. Комар // Западно-тюркский каганат. Атлас. — Астана, 2013. — С. 671–737.
8. Косарев, М. Ф. Древняя история Западной Сибири / М. Ф. Косарев. — М.: Наука, 1991. — 302 с.
9. Матвеева, Н. П. Формирование кушнаренковских комплексов в Зауралье / Н. П. Матвеева // АВ ORIGINE: археолого-этнограф. сб. — Тюмень: Изд-во «Вектор Бук», 2007. — С. 63–75.

10. Матвеева, Н. П. Коловское городище / Н. П. Матвеева, С. В. Берлина, Т. Н. Рафикова. — Новосибирск: Наука, 2008. — 240 с.
11. Матвеева, Н. П. К вопросу об исходных компонентах раннесредневекового культурогенеза лесостепного Зауралья / Н. П. Матвеева, Л. С. Кобелева // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2013. — № 3 (22). — С. 68–78.
12. Матвеева, Н. П. Западная Сибирь в эпоху Великого переселения народов (Проблемы культурогенеза по данным погребальных памятников) / Н. П. Матвеева. — Тюмень, 2016.
13. Могильников, В. А. Могильник потчевашской культуры в Среднем Прииртышье / В. А. Могильников, Б. А. Конилов // Советская археология. — 1983. — № 2. — С. 162–182.
14. Могильников, В. А. Лесостепное Зауралье (бакальская культура) / В. А. Могильников // Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. — М., 1987. — С. 179–183. — (Сер. «Археология СССР»).
15. Могильников, В. А. Этнокультурная история Западной Сибири в Средние века: автореф. дис. / В. А. Могильников — М., 1990. — 32 с.
16. Рафикова, Т. Н. Бакальская культура лесостепного и подтаежного Тоболо-Ишимья: дис. ... канд. ист. наук / Т. Н. Рафикова. — Тюмень, 2010. — 371 с.
17. Скандаков, И. Е. Курганный могильник Усть-Тара VII в южно-таежном Прииртышье / И. Е. Скандаков, Е. М. Данченко // Гуманитарное знание: ежегодник. — Омск: Изд-во ОмГПУ, 1999. — Вып. 3. — С. 160–186. — (Сер. «Преемственность»).
18. Смены культур и миграций в Западной Сибири. — Томск: Изд-во ТГУ, 1987. — 176 с.
19. Федорова, Н. В. Сургутское Приобье в эпоху Средневековья / Н. В. Федорова [и др.] // Вопросы археологии Урала. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1991. — Вып. 20. — С. 126–145.
20. Чернецов, В. Н. Нижнее Приобье в I тыс. н. э. / В. Н. Чернецов // Материалы и исследования по археологии. — 1957. — № 58. — С. 136–246.
21. Яблонский, Л. Т. Культурно-хронологические горизонты и проблема формирования раннесарматской культуры / Л. Т. Яблонский // Вестник Волгоградского гос. ун-та. — Сер. 4, История. — 2015. — № 5 (35). — С. 17–24.
22. Bailey, G. N. Concepts of time in quaternary prehistory / G. N. Bailey // Annual Review of Anthropology. — 1983. — Vol. 12. — P. 165–192.
23. Braudel, F. The Mediterranean and the Mediterranean World in the Age of Philip II / F. Braudel. — N. Y.: Harper and Row, 1972. — 644 p.
24. Butzer, K. W. Archaeology as Human Ecology: Method and Theory for a Contextual Approach / K. W. Butzer. — N. Y.: Cambridge University Press, 1982. — 364 p.
25. Hodder, I. The narrative and rhetoric of material culture sequences / I. Hodder // World Archaeology. — 1993. — Vol. 25:2. — P. 268–282.
26. Holdaway, S. Time in Archaeology: An Introduction / S. Holdaway, L. Wandsnider. — Salt Lake City: University of Utah Press, 2008. — P. 1–12.

27. Lucas, G. The archaeology of time / G. Lucas. — N. Y., 2005. — 160 p.
28. Shanks, M. Social theory and archaeology / M. Shanks, C. Tilley. — University of New Mexico Press, 1988. — 252 p.
29. Smith, M. Braudel's temporal rhythms and chronology theory in archaeology / M. Smith, B. Knapp // *Anales, Archaeology, and Ethnohistory* / B. Knapp. — 1992. — P. 23–32.

Ю. Б. Сериков

Российский государственный профессионально-педагогический университет (филиал в г. Нижнем Тагиле)

КОСТЯНЫЕ НАКОНЕЧНИКИ СТРЕЛ ИЗ СВАТИЛИЩА В ПЕЩЕРЕ ТУРИСТОВ (р. ЧУСОВАЯ, СРЕДНИЙ УРАЛ)

В статье публикуется средневековый комплекс костяных наконечников стрел (380 экз.) из святилища, расположенного в пещере Туристов на р. Чусовой (Свердловская обл.). Наибольший интерес представляют наконечники стрел с боковым пером и шипом (61 экз.), аналогии которым неизвестны как на восточном, так и на западном склонах Среднего Урала. Большой серией представлены votивные наконечники стрел (43 экз.). Анализ костяных наконечников свидетельствует о том, что для их изготовления применялось химическое размягчение кости. Проведенные эксперименты показали, что для размягчения кости эффективно мог применяться обычный щёлоч — смесь воды и золы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: пещерное святилище, река Чусовая, костяные наконечники стрел, типология, химическое размягчение кости.

The medieval complex of bone arrowheads (380 items) from the sanctuary which is situated in the cave Turistov on the Chusovaya river (Sverdlovsk region) is published in the article. The most interesting among them are arrowheads with side feather and thorn (61 items). Analogues of them are unknown on the East slope of the Middle Ural and on the West slope as well. Votive arrowheads are presented with the large series (43 items). Analysis of the bone arrowheads showed that for their production chemical softening of the bones were used. The done experiments showed that for softening of the bones ordinary lye as the mix of water and ash could be used.

KEY WORDS: cave sanctuary, the Chusovaya river, bone arrowheads, typology, chemical softening of the bones.